

сотрудника в личный кабинет пользователя посредством ввода логина и пароля. Согласование решений осуществляется путем соответствующих отметок в программном обеспечении, выполнение которых возможно только самим сотрудником, осуществляющим процессуальный контроль. При несогласии с процессуальным решением уполномоченный сотрудник выносит соответствующее решение об отмене, работая непосредственно в самой системе и заверяя документ электронной цифровой подписью, либо загружает в систему отсканированный вариант бумажного носителя постановления.

Современные приложения к мобильным устройствам и компьютерам позволяют преобразовывать живую речь в текст. Например, приложение RealSpeaker способно распознавать не только аудиофайлы, но и живую речь, наговариваемую на камеру устройства. За счет специального видеорасширения программа считывает движение губ, тем самым улучшая процесс распознавания речи до 20–30 %, поддерживает 11 языков: русский, английский (американский и британский диалекты), французский, немецкий, китайский, корейский, японский, турецкий, испанский, итальянский и украинский.

Установление подобных программ на персональные компьютеры следователей существенно облегчит их труд при производстве с использованием компьютера следственных действий. Например, при проведении допроса, очной ставки программа переводила бы живую речь в текст и следователю необходимо было бы только проверить правильность данного перевода и отредактировать текст. При этом следователь был бы сосредоточен непосредственно на следственном действии, не отвлекаясь на набор текста.

Производство по уголовному делу в электронном виде имеет ряд преимуществ:

- существенное сокращение сроков предварительного расследования и доследственных проверок;
- единообразный подход к систематизации материалов уголовного дела или доследственной проверки;
- снижение рисков фальсификаций материалов уголовного дела, ошибок при составлении процессуальных документов;
- возможность осуществления процессуального контроля по материалу проверки либо уголовному делу в режиме реального времени;
- автоматизация ведения статистики по заявлениям (сообщениям) о преступлениях, уголовным делам;
- сокращение финансовых расходов.

Таким образом, в настоящее время имеются все предпосылки внедрения в отечественный уголовный процесс элементов электронного уголовного дела и новейших достижений информационных технологий.

Вместе с тем полная замена привычного варианта осуществления доследственной проверки и предварительного расследования на электронную модель возможна лишь в случае обеспечения ее должной защиты от вирусов, вредоносных программ, а также хакерских атак.

1. Саргосян Г.М. Об использовании компьютерных технологий в деятельности Следственного комитета Республики Армения // Предвар. расследование. 2017. № 2.
2. Халиуллина Л.Г. Электронная форма процессуальных документов в уголовном процессе: проблемы теории и практики // Правопорядок: история, теория, практика. 2016. № 4.
3. Познанский Ю.Н. Электронное уголовное дело в решении проблемы расследования уголовных дел в разумные сроки // Тр. Акад. упр. МВД России. 2015. № 1.
4. Сарлыбаев В.А. Перспективы внедрения электронной формы уголовного дела в деятельность судебных органов // Правопорядок: история, теория, практика. 2017. № 2.
5. Сарапулов А.А. Информационные технологии в уголовном процессе: история, современное состояние, перспективы // Вестн. Юж.-Урал. гос. ун-та. Сер. «Право». 2013. № 2.
6. Аносов А.В. Электронное правосудие как инструмент развития информационной функции государства // О-во и право. 2013. № 1.
7. Сас В.В. «Электронное правосудие» как элемент «сетевое общества»: теоретические проблемы // Юрид. наука. 2012. № 2.
8. Бычков С.С., Попов А.М. Обеспечение информационной безопасности в системах электронного документооборота // Решетнев. чтения. 2013. Т. 2, № 17.

УДК 343.1

Р.Р. Алекперов

СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ ПРИМЕНЕНИЯ МЕРЫ ПРЕСЕЧЕНИЯ В ВИДЕ ЗАКЛЮЧЕНИЯ ПОД СТРАЖУ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ, РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ

Каждое государство имеет собственное законодательство, которое отличается от других. Это касается и однородных отраслей права. Подобная тенденция не обошла стороной и страны СНГ, несмотря на их общее прошлое в составе СССР.

Проанализируем и сравним применение меры пресечения в виде заключения под стражу в Республике Беларусь, Российской Федерации и Азербайджанской Республике.

Заключение под стражу регламентируется соответственно УПК Республики Беларусь 1999 г., УПК Российской Федерации 2001 г. и УПК Азербайджанской Республики 2000 г. В Беларуси и России данная мера уголовно-процессуального принуждения называется заключением под стражу (ст. 116 УПК Беларуси и ст. 98 УПК России), в Азербайджане – арестом (ст. 154 УПК Азербайджана). Во всех государствах данная мера является наиболее строгой.

В Беларуси и России заключение под стражу может применяться как к обвиняемым, так и к подозреваемым (ст. 126 УПК Беларуси и ст. 108 УПК России), а в Азербайджане – только к обвиняемым (ст. 154 УПК Азербайджана). Полагаем, что в этой связи права и свободы лиц, подвергнувшихся уголовному преследованию, в Азербайджане более защищены. Подтверждением указанного довода является то, что «если для постановки лица в положение подозреваемого достаточно такое количество данных, которое порождает возникновение у органа уголовного преследования обоснованного предположения о совершении лицом деяния, содержащего признаки преступления (т. е. подозрения), то для привлечения в качестве обвиняемого ему необходимо наличие достаточных доказательств виновности этого лица в инкриминируемом ему деянии, позволяющих органу уголовного преследования утверждать этот факт» [1, с. 164–165]. Безусловно, это означает, что при предъявлении обвинения у органов уголовного преследования имеется высокая степень достоверности, что лицо совершило конкретное преступление. В этом случае досудебное лишение его свободы выглядит оправданной, чем при возникновении подозрения.

Основания для применения заключения под стражу в исследуемых УПК сходны: наличие достаточных оснований полагать, что лицо может скрыться от органов уголовного преследования и суда, воспрепятствовать производству по уголовному делу, продолжить заниматься преступной деятельностью, а также противодействовать исполнению приговора (ст. 117 УПК Беларуси, ст. 155 УПК Азербайджана, ст. 97 УПК России). В то же время в ст. 126 УПК Беларуси содержатся специальные основания применения заключения под стражу. Первым является подозрение или обвинение лица в совершении тяжкого или особо тяжкого преступления против мира и безопасности человечества, государства, военного преступления, преступления, сопряженного с посягательством на жизнь и здоровье человека. Второе применяется в исключительных случаях к лицам, подозреваемым или обвиняемым в менее тяжких преступлени-

ях против порядка осуществления экономической деятельности. Нельзя не согласиться с доводами Л.Л. Зайцевой, что «специальные основания применения данной меры пресечения и установленные при ее избрании исключения и запреты сформулированы законодателем чрезвычайно широко и довольно противоречиво. Это позволяет органам уголовного преследования и суду использовать предоставленное им право на применение заключения под стражу в отношении значительного числа подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений различной степени тяжести» [2, с. 56–57]. Как видим, уголовно-процессуальное законодательство России и Азербайджана в этом вопросе более либерально.

В общем порядке в Азербайджане и Беларуси данная мера пресечения может применяться к лицам, подозреваемым или обвиняемым в преступлениях, за которые в качестве уголовного наказания предусмотрено лишение свободы на срок свыше 2 лет, в России – 3 лет. При этом вышеуказанные нормы не действуют, если лица не имеют постоянного места жительства или их личность не установлена (в России и Беларуси), а также для пресечения сокрытия лица от органов уголовного преследования и воспрепятствования им производству по уголовному делу (в Азербайджане).

В анализируемых УПК содержатся нормы об обстоятельствах, учитываемых органами уголовного преследования при избрании мер пресечения (ч. 2 ст. 117 УПК Беларуси, ч. 2 ст. 155 УПК Азербайджана, ст. 99 УПК России). Их сравнение позволяет выделить общее – личность лица, заключаемого под стражу, его возраст и состояние здоровья, род занятий, семейное положение. В Беларуси и Азербайджане дополнительно учитывается имущественное положение лица, в отношении которого избирается данная мера пресечения. Считаем это не совсем корректным в связи с имеющимися в УПК обеих стран норм-принципов о равноправии лиц перед законом (ст. 20 УПК Беларуси и ст. 11 УПК Азербайджана). Также в Беларуси и Азербайджане учитываются факт наличия постоянного места жительства, характер и условия совершения деяния (в УПК Беларуси характер подозрения или обвинения). В России и Азербайджане тяжесть преступления включена в вышеуказанные обстоятельства, а не является основанием применения меры пресечения, как в Беларуси. В Азербайджане факт совершения лицом ранее преступления либо применения к нему меры пресечения также учитывается при взятии лица под стражу.

Порядок применения заключения под стражу в этих государствах на стадии предварительного расследования кардинально различается. В Азербайджане и России заключение под стражу избирается судом путем вынесения постановления. При этом данный вопрос разрешается по

ходатайству следователя и представлению прокурора в Азербайджане, в России – по ходатайствам следователя (с согласия его руководителя) или дознавателя (с согласия прокурора). В Беларуси в общем порядке на стадии предварительного расследования установлен санкционный порядок применения заключения под стражу (согласно ч. 2 ст. 119 УПК Беларуси на это уполномочен прокурор или его заместитель по ходатайству следователя или органа дознания). Подчеркнем, что прямой судебный контроль за заключением под стражу в полной мере соответствует международным нормам права, содержащимся в ст. 9 Международного пакта ООН о гражданских и политических правах и ст. 5 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод. Отметим, что в УПК Беларуси сохранена преемственность норм УПК БССР 1960 г. о санкционировании рассматриваемой меры пресечения на стадии предварительного расследования прокурором (ст. 91). Полагаем, что это не в полной мере обеспечивает защиту прав и свобод лиц, подвергнувшихся уголовному преследованию, так как прокурор при даче санкции либо непосредственном применении заключения под стражу может выступать в суде стороной обвинения, что создает предпосылки к отсутствию объективности при принятии им решения. Кроме того, в Беларуси председатели Комитета государственной безопасности и Следственного комитета уполномочены на принятие решений о применении исследуемой меры пресечения, поскольку данные должностные лица являются органами уголовного преследования. П.В. Мытник предполагает, что включение в их компетенцию ограничения конституционных прав (в том числе применение рассматриваемой меры уголовно-процессуального принуждения) «обусловлено стремлением усилить и активизировать борьбу с коррупцией. В уголовном процессе других государств руководители следственных ведомств подобными „сверхполномочиями“ не обладают» [3, с. 106]. С этим доводом нельзя не согласиться, так как не исключено наличие определенной субъективности при принятии этими должностными лицами решений о применении заключения под стражу. Следует согласиться с доводами Л.Л. Зайцевой о том, что законодательная реализация санкционирования рассматриваемой меры пресечения судом способствовала бы уменьшению количества необоснованного ее применения на практике [4, с. 112].

Правовая регламентация сроков содержания лиц под стражей и продления действия этой меры уголовно-процессуального принуждения в Беларуси, России и Азербайджане различна. Согласно ст. 127 УПК Беларуси срок содержания лиц под стражей составляет не более двух месяцев, при этом предусмотрена возможность его продления. На стадии предварительного расследования продление срока производится

уполномоченным прокурором или его заместителем соответственно до трех и до шести месяцев. Допускается продление срока содержания под стражей лиц, обвиняемых в совершении тяжких и особо тяжких преступлений, до 18 месяцев. Свыше этого срока лицо может быть лишено свободы для его выдачи Республике Беларусь, для окончания предварительного расследования по уголовному делу после выдачи (но не более чем на 6 месяцев), а также в случае необходимости ознакомления обвиняемого и его защитника с уголовным делом при исчерпании предельного срока содержания под стражей (допустимо продление срока действия меры пресечения Верховным Судом до 6 месяцев). На судебных стадиях уголовного процесса продление сроков содержания лиц под стражей ежемесячно осуществляется судом, рассматривающим уголовное дело (до 6 месяцев, а при рассмотрении уголовных дел о тяжких и особо тяжких преступлениях – до 12 месяцев). Допускается продление указанных сроков по согласованию с Председателем Верховного Суда Республики Беларусь до 6 месяцев. Нормы о сроках содержания под стражей в УПК России аналогичны нормам УПК Беларуси. Однако субъектом, уполномоченным на продление действия меры пресечения, является суд. Помимо этого в России нет предельного срока содержания лиц под стражей при ознакомлении их и их защитников с материалами уголовного дела. На судебных стадиях уголовного процесса срок содержания под стражей составляет 6 месяцев. По уголовным делам по факту совершения тяжких и особо тяжких преступлений он может продлеваться судом каждый раз, но не более чем на три месяца (т. е. норма о предельных сроках отсутствует). В этой связи следует с положительной стороны оценить вышеуказанные нормы права о содержании лиц под стражей в Беларуси. Наличие предельных сроков действия меры пресечения на судебных стадиях уголовного процесса, согласование их продления с Верховным Судом Республики Беларусь способствуют в большей степени, чем в России Федерации, обеспечению прав и свобод лиц, взятых под стражу. В Азербайджане существует иной подход к данному вопросу. Сроки действия заключения под стражу определяются в зависимости от категории преступления, в котором обвиняется лицо (ст. 158–159 УПК Азербайджана): 2 месяца по преступлениям, не представляющим большой общественной опасности; 3 месяца по преступлениям небольшой тяжести; 4 месяца по тяжким и особо тяжким преступлениям. Продление этих сроков осуществляется судом до 1 месяца по преступлениям, не представляющим большой общественной опасности; 2 месяцев по преступлениям небольшой тяжести; 3 месяцев по тяжким и 4 месяцев по особо тяжким преступлениям. Допускается повторное продление действия меры пресечения до 2 месяцев по преступлениям небольшой

тяжести, до 3 месяцев по тяжким преступлениям, до 5 месяцев по особо тяжким преступлениям. Согласно ст. 158 УПК Азербайджана на судебных стадиях предельный срок содержания под стражей по преступлениям, не представляющим большой общественной опасности, составляет 3 месяца, небольшой тяжести – 5 месяцев, тяжким – 7 месяцев, особо тяжким – 9 месяцев. Считаем, что установление сроков действия этой меры пресечения в зависимости от категории преступления является положительным моментом. Ведь наличие общих сроков заключения под стражу (как в Беларуси и России) не способствует индивидуальному подходу к праву на свободу передвижения лиц, подвергнутых ее лишению. В правоприменительной практике это означает, что лицо, подозреваемое либо обвиняемое в совершении менее тяжкого преступления, может находиться в местах лишения свободы то же время, что и лица, подозреваемые или обвиняемые в совершении тяжких или особо тяжких преступлений, однако степень общественной опасности вменяемых им деяний различна.

Что касается обжалования применения рассматриваемой меры пресечения и продления срока ее действия, в Беларуси, России и Азербайджане предусмотрен судебный порядок разрешения этого вопроса (ст. 144–145 УПК Беларуси, ст. 157 УПК Азербайджана, ст. 108 УПК России). В то же время согласно УПК Азербайджана эта правовая процедура осуществляется через апелляционную судебную инстанцию, решение которой является окончательным. В УПК Беларуси и России допускается дальнейшее разрешение данного вопроса в вышестоящей судебной инстанции.

Таким образом, проведя сравнительно-правовой анализ УПК Беларуси, России и Азербайджана по вопросу применения заключения под стражу, мы можем прийти к следующим выводам. В законодательстве указанных государств закреплен порядок досудебного лишения лиц свободы, который в целом соответствует современным реалиям, наделен как общими, так и отличительными чертами. По сравнению с Беларусью в России и Азербайджане с формальной точки зрения эта мера гуманнее и в большей степени соответствует общемировым стандартам ее применения (касательно оснований и субъектов, уполномоченных на решение данного вопроса). В связи с этим уголовно-процессуальное законодательство нашего государства в вопросе применения заключения под стражу требует совершенствования, в процессе которого следует учесть опыт России и Азербайджана. Считаем, что в первую очередь это касается передачи суду полномочий об избрании рассматриваемой меры пресечения.

1. Уголовный процесс. Общая часть : учебник / И.В. Данько [и др.] ; под общ. ред. И.В. Данько. Минск, 2012.

2. Зайцева Л.Л. Основания заключения под стражу в Республике Беларусь // Уголовная юстиция в свете интеграции правовых систем и интернационализации криминальных угроз : сб. науч. тр. / Белорус. гос. ун-т ; редкол.: А.А. Данилевич [и др.]. Минск, 2017.

3. Мытник П.В. Следственные действия: смена парадигмы? // Вестн. Акад. МВД Респ. Беларусь. 2018. № 1. С. 104–110.

4. Зайцева Л.Л. Заключение под стражу как мера пресечения: основания и порядок ее применения // Меры пресечения по уголовному процессу Украины, Республики Армения, Республики Беларусь, Республики Казахстан и Республики Молдова : сб. науч. тр. / Нац. акад. прокуратуры Украины ; ред.: Т.И. Помазанова, З.В. Пономаренко. Киев, 2018. С. 102–114.

УДК 343.1

Я.П. Алексина

ИНСТИТУТ ПРЕКРАЩЕНИЯ ПРОИЗВОДСТВА ПО УГОЛОВНОМУ ДЕЛУ С ОСВОБОЖДЕНИЕМ ОТ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ С УЧЕТОМ СОВРЕМЕННЫХ РЕАЛИЙ

Противодействие преступности является одной из важнейших государственных задач, для решения которой разрабатываются и используются различные меры, в том числе направленные на правовое стимулирование позитивного поведения лиц после совершения ими преступления.

Отечественное законодательство совершенно обоснованно предусмотрело совокупность уголовно-правовых норм поощрительного характера, применяемых к лицам, совершившим преступление. Такие нормы представляют собой институт прекращения производства по уголовному делу с освобождением от уголовной ответственности.

Рассматриваемый правовой институт сформирован еще в советском уголовном процессе, однако он по-прежнему соответствует современным направлениям развития уголовной политики, так как воплощает в себе проявление принципов справедливости, дифференциации ответственности, гуманизма и процессуальной экономии. В то же время с учетом современных реалий институт находится на пути своего дальнейшего реформирования и подвергается исследованиям с различных позиций.

В контексте рассуждений о сущности исследуемого института дискуссионными являются вопросы законности решений о прекращении